

МИКРОИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.41)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТАТАРСКОГО ПРОМЫШЛЕННИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МУКМИНА ХОЗЯСЕИТОВА)

Р.Р. Салихов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
rsalih@mail.ru*

В статье на основе широкого круга архивных документов анализируется история частной жизни и промышленной деятельности татарского предпринимателя из Заказанья. Проведена реконструкция повседневной жизни предпринимателя: распорядка дня, домашнего и рабочего пространства. Рассмотрена история его семьи, межличностные отношения с родственниками, деловыми партнерами и подчиненными.

Ключевые слова: история предпринимательства, история татарского купечества, Служилая Ура, Казанский уезд, история частной жизни, история повседневности, микроистория, история семьи, интерьер татарского дома

Родиной татарского промышленного капитализма являются не города, а деревни Заказанья. В конце XVIII – первой половине XIX столетия ткацкие фабрики села производили почти половину кумача страны, а значит, фактически, одевали ее население. Деревенские предприниматели контролировали восточную торговлю империи, укрепляя и развивая ее экономические связи.

Небольшое село Нижняя Ура (Служилая Ура), скромно и неприметно расположившееся на севере Арского района Республики Татарстан, сегодня ничем особым не отличается от сотен других татарских населенных пунктов, живущих незаметным трудом и повседневными заботами. Патриархальная тишина, неспешный ход жизни, простой и невзыскательный быт селян. Кажется, что так было всегда. К счастью, это всего лишь заблуждение, от которого мы постепенно освобождаемся, сдувая пыль с дорожкой обложки нашей истории.

Нижняя Ура – уникальная во всех смыслах деревня, влиявшая на весь тюрко-татарский мир, не уступавшая в своей славе лучезарной Казани.

Это – родина горделивых беков и мурз, ведущих свое родословие с далекого XII в., строивших средневековые татарские государства, с оружием в руках отважно защищавших Россию.

В первой трети XIX в. неформальным лидером Служилой Уры стал внук Назира Хозясеитова – Мукмин Тагирович Хозясеитов – талантливый и удачливый предприниматель, крупный промышленник, очень щедрый и отзывчивый человек, старавшийся не повторять ошибок своих родственников. Он родился в 1773 г. и был первенцем Тагира Хозясеитова. Мать будущего предпринимателя Салима Исакова принадлежала к старинному роду служилых татар д. Менгер. После ранней смерти отца он постоянно проживал со своим могущественным дедом и, по сути, стал его главным наследником и продолжателем фамильного дела. Мукмин благодаря поддержке Назира бин Туктамыша быстро добился впечатляющих успехов в производственной деятельности и начал на равных конкурировать со своими многочисленными дядями, каждый из которых имел либо мануфактуру, либо вел крупную торговую деятельность. Держал писчебумажную мануфактуру на речке Шоре, оборудованную двумя водяными турбинами, на которой трудились сезонно с мая по апрель 16 крестьян Уржумского уезда Вятской губернии и Царевококшайского уезда Казанской губернии. Она находилась при мукомольной мельнице, принадлежавшей купцу. Мануфактура выпускала ежегодно 2 500 стоп бумаги, сбывавшейся затем на рынках Средней Азии [6].

Мукмин Хозясеитов существенно модернизировал фамильное бумагопрядильное производство, приобрел для него 35 новых станков и вскоре вышел на изготовление 80 000 аршин кумача в год на сумму 60 000 рублей. Эта продукция пользовалась большим спросом на ведущих российских ярмарках: Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской.

В отличие от своего деда и других близких родственников этот предприниматель был наделен дальновидностью и склонностью к компромиссам. Активно участвуя в захвате общих для Хозясеитовых и Маметевых земель, он, тем не менее, стремился погасить все более раздувавшееся в селе пламя земельных ссор и скандалов. Становясь фактически единственным полновластным хозяином родового села, Мукмин Хозясеитов нуждался в стабильной обстановке, в согласии с крупными токами сородичей, чье недовольство и протесты ставили под угрозу успешное развитие мануфактур.

В 1832 г. купец, уже подмявший под себя значительную часть общинного достояния, не стал по примеру своего жесткого и решительного деда преследовать недовольных, а напротив, предложил обиженным односельчанам мировую сделку, компенсируя состоявшиеся по его вине потери [4]. Безусловно, этот запоздалый шаг уже ничего не мог изменить в печальной ситуации родственного противостояния, однако он существенно снизил накал страстей, заставил говорить о справедливости промышленника.

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

По сути, он стал самым настоящим князем, вольготно расположившимся со своей многочисленной семьей и челядью отдельно от всех остальных токымов на обширном подворье, куда стекался не только рабочий люд из всех окрестных деревень, но предприниматели со всей России. Подписывая официальные документы, с удовольствием обозначал свой высокий статус «царевококшайский княжеского роду второй гильдии купец». Денег у него было так много, что народ всерьез рассуждал о том, что промышленник печатает их у себя дома. О местном фальшивомонетчестве даже слагали байты [12], хотя это было несомненным преувеличением. В лучшие свои годы купец получал сказочные барыши с торговли, производства и многочисленных имений. Прибыль, за неимением банков, по старинке хранил дома, в самых разных местах, фактически безо всякой охраны. Можно было сказать, что деньги у него валялись по углам, возбуждая у прислуги и дворовых людей различные, даже криминальные версии их происхождения.

Благодаря Мукмину Хозясеитову на извилистых улочках Служилой Уры бурлила не по-сельски шумная жизнь. Бесконечной вереницей шли подводы с сырьем на мануфактуры, здесь же отгружалась готовая продукция, снаряжались и отправлялись торговые караваны в сторону Оренбуржья и дальше в далекую Бухару. Через деревню проходила обозная дорога из Казани в уездный город Царевококшайск, движение по которой не прекращалось ни днем, ни ночью. На улице аула, находившейся на холме¹, круглосуточно гудел весельем государственный питейный дом, где всеми делами управлял ясачный крестьянин д. Чурилино Казанского уезда Архип Григорьевич Маралов, угощавший своих посетителей дешевым вином и «Ерофеичем» – спиртовой настойкой на травах. Приезжих в селе было настолько много, что Мукмин Хозясеитов выстроил для них специальный постоялый двор. Не случайно, что в это время в народе деревню фабрикантов стали почтительно называть «Оры шәһри» – «город Ура».

Но самое главное, купец своей уравновешенностью, невероятным трудолюбием и религиозной благотворительностью сумел завоевать если не признание, то спокойное отношение односельчан, во многом смирившихся с его монополизмом. Мало того, в трудные для себя минуты он чувствовал твердую поддержку общины, соседей и других односельчан, даже не связанных с ним близкими родственными узами.

Сегодня по сохранившимся документам мы можем составить достаточно детальное представление об усадьбе Мукмина Тагировича Хозясеитова, которая, в целом, была типичной для потомков бывших татарских помещиков, разбогатевших на международной торговле и успешном мануфактурном производстве. Дворовое владение предпринимателя в Служилой Уре, органично соединявшее в себе жилое и фабричное пространство, занимало прямоугольный в плане участок в центре села общей площадью 5 000 кв. м (0,5 га).

---

¹ В деревне до сих пор улица на холме иногда называется «Кабак тау».

К сожалению, из-за отсутствия документальных сведений мы не можем указать точное местоположение усадьбы. Судя по косвенным данным, она примыкала к каменной Первой соборной мечети и простиралась на юго-запад от нее, вплоть до речки Селенгур. В пользу этой версии говорит и сам факт строительства мечети дедам предпринимателя Назиром Хозясеитовым, выделившим, скорее всего, участок для здания из своего двора. Учитывая то, что Мукмин, находившийся под опекой деда, возможно, наследовал часть или все его имущество, то и обширные владения купца продолжали оставаться на том же родовом месте.

Двухэтажный кирпичный особняк купца, в котором он проживал вместе со своей семьей, находился с некоторым отступом от красной линии улицы. Он своей добротностью и даже монументальностью, модным в то время классическим оформлением фасада символизировал могущество и богатство мануфактурщика, возрождавшего великую славу рода, соперничавшего в материальных атрибутах жизни с русским дворянством.

По всей видимости, дом был построен в первой трети XIX в., в период расцвета торгово-промышленной деятельности М.Т. Хозясеитова. По своему проекту это здание, как, впрочем, и вся структура участка, очень напоминали усадьбы первостатейных купцов Казани, и, в первую очередь, домовладение М.И. Апанаева на 3-ей Поперечной улице в Старотатарской слободе (ныне ул. Сафьян, д.1–5). Дом Мукмин бая, как и дом Мусы Апанаева, был двухэтажным. На первом этаже находились три кладовые с железными дверями, на втором – шесть жилых комнат. Неподалеку от особняка, ровно так же, как и у Апанаевых, располагалась двухэтажная квадратная в плане кирпичная кухня общей площадью 72 кв. м. Она, вероятно, обслуживала не только хозяев, но многочисленных работников, прислугу. Кухня была оборудована тремя печами, и, соответственно, тремя большими котлами, в которых непрерывно готовилась пища для жителей усадьбы.

Продукты, ежедневно требовавшиеся в огромном количестве, хранились в трех специальных одноэтажных деревянных амбарах, каждый площадью 64 кв. м. Непосредственно рядом с хозяевами находилась контора приказчиков – самых доверенных лиц М.Т. Хозясеитова, готовых, помимо сугубо торговых дел, выполнить любое его поручение. В одноэтажном деревянном двухкомнатном флигеле они вели бухгалтерию, общались с рабочими и коммерсантами, решали все деловые вопросы.

Безусловно, значительная часть строений, входивших в комплекс двора, имела хозяйственное назначение. Среди них – две вместительные конюшни. Одна с каретником, площадью 84 кв. м, другая с летним навесом – 72 кв. м. В них содержались лошади бая, повозки и телеги, использовавшиеся им сугубо для личных нужд. Мукмин Хозясеитов, являясь крупным землевладельцем, активно занимался сельским хозяйством, заготовкой зерна и фуража в больших объемах. Поэтому в его домовладении были предусмотрены четыре амбара для хранения этой продукции, пло-

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

щадь каждого из которых составляла 110 кв. м. Кроме того, еще пять амбаров, в среднем, по 80 кв. м каждый, один из них с погребом, хранили различные виды сырья, хозяйственный инвентарь, фабричные изделия. Таким образом, поместье купца, в целом, представляло собой огромный склад, в который нескончаемым потоком стекалось нажитое успешной коммерцией и производством «добро» – предмет зависти, слухов, вынужденного почтения односельчан.

Недалеко от особняка располагались две добротные бани, топившиеся «по-белому». Одна хозяйская – площадью 36 кв. м, другая – для рабочих и прислуги – площадью 24 кв. м. Ну и, конечно, довольно приличный абзар (скотная изба), три конюшни для рабочих лошадей, небольшой домик для прислуги [2, л.95].

Однако большую часть усадьбы занимал комплекс кумачной мануфактуры, состоящий, в общей сложности, из 14 зданий. Основными здесь являлись два больших деревянных на каменном фундаменте прямоугольных в плане с 62 окнами по фасаду корпуса (38x7 м), предназначавшиеся для ткачества кумачей и китайки. Одно помещение, рассчитанное не менее чем на 50 ткачей, было снабжено пятью печами. Следовательно, в лучшие времена на фабрике трудилось 100 рабочих.

Отдельно стоял «дом для колотильщиков» (14x6 м) в 17 окон по фасаду. Еще одно производственное здание – «дом для клейки бумаги» – на каменном фундаменте (14x6 м), в 17 окон по фасаду состояло из двух комнат, также предусматривало значительное количество работников. Вообще, судя по значительности строений мануфактуры, в ней изготавливался весьма серьезный объем продукции, требовавший, как вместительности помещений, так и большого количества рабочих рук. Учитывая также сезонный характер работы на фабрике, можно предположить, что реальное количество ее персонала намного превышало цифры, указываемые в официальных документах и статистике. Например, только для сушки кумачей в комплексе мануфактуры действовало два «цеха» площадью более 100 кв. м каждый. Еще в двух деревянных одноэтажных квадратных в плане зданиях площадью 36 кв. м кумач стирали и сортировали. Готовый товар складировался в специальном большом амбаре (28x8 м).

Кстати, кумачный мастер – во многом ключевая фигура в производственном процессе, своеобразный технолог и руководитель – трудился в отдельном доме (6x6 м). Особые условия предприниматель создал и для искусного кузнеца, обслуживавшего мануфактуру. Он также жил в отдельном доме, рядом с которым находилась кузница общей площадью 36 кв. м.

Рабочие мануфактуры мылись в особой, очень небольшой бане (4x4 м), которая отапливалась «по-черному». Единственным каменным зданием комплекса являлась пекарня (6x6 м), обеспечивавшая мануфактуру свежим хлебом.

Интересно, что масштаб торговых связей заставил промышленника уже за пределами своей усадьбы построить своего рода, говоря современным языком, гостиничный комплекс для приезжающих в Служилую Уру агентов, предпринимателей, работников. Для них купец возвел двухэтажный деревянный жилой дом (8x6 м), оборудованный печью и кухонным котлом. Рядом находились конюшня, каретник и скотный двор. Здесь же заботливый хозяин держал лавку, в которой гости могли приобрести продукты и товары первой необходимости [2, л.96].

Сам Мукмин Хозясеитов со своей семьей, как мы уже отмечали, в пору успеха и богатства располагался в большом двухэтажном кирпичном особняке. В него он перебрался уже в зрелом возрасте, а раньше жил в отцовском доме, который, возможно, принадлежал еще его деду, грозному Назиру бин Туктамышу. Сохранилось описание этого здания, возведенного, скорее всего, в середине XVIII в., и воплощавшего традиции древнего татарского зодчества. Оно дает определенное представление о жилище богатых татарских мурз в эпоху лашманской повинности. Это было одноэтажное деревянное квадратное в плане здание (12x12 м) в 12 окон по боковым фасадам, строго разделенное на мужскую и женскую половину. Оно состояло из восьми комнат средней площадью по 18 кв. м каждая [2, л.95]. Очевидно, что дом был построен для большого семейства. Так, например, у Назира бин Туктамыша было две жены и девять детей: восемь сыновей и дочь. В свою очередь, у его первенца, Тагира также было две жены, с которыми он вырастил пять сыновей и три дочери.

Мукмин Тагирович Хозясеитов по традиции имел большую семью. Вероятно, начинал он свою взрослую жизнь в отцовском доме. Его первая жена Бадигульдзамал Максудова (1776 – 07.02.1838), происходившая, по нашему предположению, из рода князей Маметевых, родила двух сыновей и десять дочерей [7; 2, л.1–141]. Причем со своим старшим сыном Абдулвали Мукмин бай и начал разворачивать семейное дело. Видимо, это были счастливые годы для энергичного молодого предпринимателя, без устали, с удовольствием трудившегося рука об руку со своими сыновьями, постоянно чувствующего могучую поддержку знаменитого деда. Но безжалостное время не терпит идиллий. Два сына быстро окрепли и пожелали отделиться от отца. Впоследствии Абдулвали Мукминович Хозясеитов также стал некрупным торговцем, основавшим собственную успешную веточку купеческой династии. Другой сын Мухаметгали тоже начал работать на себя, выйдя из отцовского капитала. К сожалению, оба они прожили недолгую жизнь, так и не успев полностью реализовать себя на коммерческом поприще.

Мукмин мурза, неуклонно богатея и укрепляя влияние во всем татарском мире, в личной жизни начинал испытывать серьезные проблемы. Полный сил и энергии предприниматель, по примеру многих состоятельных мусульман того времени, решил взять вторую, молодую жену. В конце двадцатых годов XIX в. он женился на девушке Гульбике Хасановой,

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

которая была младше его почти на 40 лет. У них один за другим родились трое сыновей: Абдулкотдус, Ахмет и Фатхирахман, еще две дочери вскоре после рождения умерли [8]. Окрыленный романтическими чувствами, властный и грозный бай относился к Гульбике с особой нежностью и вниманием, что вызвало резкое недовольство старшей жены, которая по праву считала себя главной спутницей Мукмина, прошедшей с ним через все трудности и испытания. В то же время сам купец не считал себя в чем-то виноватым. Всех многочисленных дочерей, которых они вырастили, очень хорошо выдал замуж в состоятельные, родовитые семьи. Постаревшей супруге обеспечил все условия для спокойной и комфортной жизни. Однако так не считала Бадигульдзамал, постоянно стыдившая и обвинявшая в предательстве Мукмина, устраивавшая громкие ссоры, что делало их брак просто невыносимым. Прожив так почти восемь лет, «второй гильдии купец и фабрикант» 2 мая 1836 г. в присутствии свидетелей и приходского муллы официально объявил Бадигульдзамал Максудовой развод, о чем уведомил Оренбургское магометанское духовное собрание и Казанскую гражданскую палату. Объяснил свой поступок купец лаконично: «Вышеуказанная Бадигульдзамал Максуд кызы вела себя беспокойно, не ценила и не уважала Мукмина Тагира улы, тем самым сделала его равнодушным, отвратила от семейного ложа». Но, что особенно важно, Мукмин бай сразу оговорил, что не оставит бывшую жену без своей заботы и попечения. Во время развода он заявил буквально следующее: «Гындаллаһи гөнаһкяр булмасым икән, балалары хаҡында аны тәбәррәған тәрбия кылырмын...» (т. е.: «Перед Богом не хочу быть грешником, из-за этого ради детей буду о ней заботиться») [5]. Бадигульдзамал после этого потрясения не прожила и двух лет.

Именно для семейного очага с Гульбикой Хасановой Мукмин Хозясеитов и построил внушительный кирпичный дом, выделявшийся на фоне сельского ландшафта своей монументальностью и городской претенциозностью. Общая площадь этого, почти дворянского жилища, составляла 320 кв. м. Прямоугольное в плане здание (20x8 м) имело первый, хозяйственный, и второй, жилой, с восемью окнами по каждому фасаду, этажи. Члены семьи располагались в шести комнатах, в среднем, по 25 кв. м, которые отапливались четырьмя печами [2, л.95]. Как и в старом доме, помещение делилось на женскую и мужскую части.

Украшением этого нового родового гнезда являлась обширная гостиная, обставленная современной мебелью. Здесь стоял большой круглый стол с шестью стульями на кожаных подушках, а также ряд ломберных столиков, обшитых зеленым сукном и красным деревом. Несколько кожаных и полубархатных диванов оформляли уголок отдыха. На стене висело ростовое зеркало, отбивали время дорогие часы-ходики. Освещали гостиную люстра и настенные канделябры. В гостиной, предназначавшейся больше под представительские цели, проходили встречи с нужными чиновниками, уважаемыми гостями, различные меджлисы. Далее, как и в

других жилищах богатых предпринимателей-мурз, следовала «зала», очень напоминавшая по своему интерьеру гостиную, но использовавшаяся в повседневной жизни членами семьи. Вероятно, существовала и «передняя» комната, связывавшая мужскую и женскую половины. Здесь также стояли стол, стулья, диван, имелись настенные зеркала, люстра и подсвечники. О «европеизации» сельского дома татарского мурзы-промышленника уже в первой половине XIX в. свидетельствует наличие большой столовой комнаты с полным набором необходимой мебели и посудных сервизов. Это и чашки с блюдцами, чайники из китайского фарфора, молочники, польские серебряные ложки, медные самовары и т. д. Интересно, что в этом ассортименте не было вилок, которые, вероятно, в этот период в среде татарского купечества еще не получили распространения. Судя по разнообразию соответствующей посуды, у Хозясеитовых существовала традиционно высокая для татар культура чаепития. Кроме того, видимо, благодаря турецкому влиянию, сам хозяин любил кофе и приобрел редкий для того времени кофе-самовар. В столовой, как и в других комнатах, имелись удобные диваны, естественно, стол со стульями, посудный шкаф и зеркала [2, л.97–98].

Вся мебель в доме была сделана из красного дерева, столы покрывались скатертями из полубархата, окна обрамляли коленкоровые шторы.

В мужской приватной зоне особняка находились кабинет и спальня. Причем, Хозясеитовы уже не пользовались традиционными нарами – саке, а спали на кроватях с пуховыми перинами и подушками, заправленными в китайское постельное белье. Сам Мукмин бай имел железную кровать, а его жена на женской половине, в своем «будуаре» отдыхала на специально изготовленной из березы двуспальной кровати. В мужской и женской спальнях стояли шкафы для одежды, комоды, столики, ширмы. Сыновья четы, в отличие от родителей, жили в одной общей комнате и спали на саке.

Впрочем, следует особо подчеркнуть, что Мукмин Хозясеитов, несмотря на богатую и модную европейскую обстановку дома, обладая очень серьезными капиталами, все же, по сравнению с казанскими купцами, жил относительно скромно. Он не гнался за предметами роскоши, не превращал свой дом в склад для дорогих, но бесполезных вещей. Он организовывал свое жизненное пространство исходя из функциональных интересов фамильного дела. Его день начинался с молитвы и проходил в постоянной, изматывающей работе, которая совсем не оставляла времени для заслуженного сибаритства. Он все же оставался сельским предпринимателем, совмещавшим промышленное производство, торговлю с масштабным сельскохозяйственным трудом. Поэтому Мукмин бай не мог, как его современники-горожане Апанаевы или Юнусовы, коллекционировать книги и рукописи, занимать многочисленные общественные должности.

В течение дня после обязательной «планерки» с приказчиками купец обходил свои владения: обширный двор с лабазами, комплекс мануфактуры, где приходилось решать многочисленные производственные воп-

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

росы, объезжал земельные угодья. Вообще, вся жизнь Мукмина Хозясеитова проходила в бесконечных разъездах. Он практически не бывал дома, разрываясь между фабриками, поместьями, земельными дачами, месяцами пропадал в дальних торговых караванах и на ярмарках. Те редкие дни, когда он оказывался дома, проходили в череде встреч и межджлисов с чиновниками, коммерческими партнерами, родственниками, влиятельным духовенством. Фактически он не принадлежал ни себе, ни своей семье. Вот почему успешный и прославленный предприниматель так и не сумел воспитать из маленьких сыновей от второго брака достойных преемников, продолжателей любимого дела.

Постоянным кругом общения купца являлись его преданные приказчики, торговые агенты и, конечно же, рабочие мануфактур, полностью зависевшие от щедрости и милости хозяина. Он никогда не брал на работу своих односельчан, с гордостью помнящих свое княжеское происхождение и родство с промышленником. Все его рабочие были из других деревень. Например, один из приказчиков Ишмухамет Ишмуратов происходил из крестьян деревни Семеновские Отары, работник Габит Хусаинов был уроженцем деревни Айшияз, Мухаметрахим Файзуллин из служилых татар деревни Большой Куюк, Бикчентай Биккенин из служилых татар деревни Ахметкозино, Губайдулла Рахматуллин из служилых татар деревни Большой Менгер и т. д. [3, л.10–13]. И это только самый ближний круг Мукмин бая. Мало того, предприниматель, много времени проводивший среди казахов и в Средней Азии, привозил оттуда юношей и молодых людей, трудившихся у него сначала в качестве слуг и дворовых людей, а затем «выраставших» до приказчиков, а то и равноправных и уважаемых домохозяев деревни. Каракалпак Алтай вообще был выкуплен купцом из рабства, фактически стал приближенным могущественного бая, женился благодаря его поддержке, оплатив, правда, за это черной неблагодарностью. Казах Ганбар Хусаинов верой и правдой служивший своему хозяину на протяжении многих лет, также обзавелся семьей и навсегда осел в Служилой Уре [23, л.3, 9 об]. Другой выходец из «киргизов», Атагай Тургаев, сумел стать успешным предпринимателем, завоевать авторитет у сельчан, стать членом их общины. В Нижней Уре и сегодня есть переулок, который называется «Атагай тыкрыгы». Кстати, в селе до сих пор существуют предания о переселившихся сюда казахах, работавших у местных баев пастухами и конюхами, предания, которые, как мы видим, имеют реальные исторические основания.

Однако, в большинстве своем не связанный какими-либо условностями и приличиями этот наемный люд с презрительной завистью относился к зажиточным и высокомерным жителям Служилой Уры, вызываясь вел себя в селе, нарушая неписанные правила общежития. По сути, мужчины-рабочие и приказчики Мукмина Хозясеитова были своего рода личными нукерами промышленника-князя, его решительной гвардией, которую он с успехом применял в земельных и иных конфликтах. Не слу-

чайно жители Служилой Уры жаловались губернским и уездным властям на самоуправство этих людей, которые по приказу своего хозяина распахивали и засеивали угодья, захваченные им у своих сородичей. Здесь можно вспомнить и настоящие сражения между рабочими Назира Хозясеитова и мюридами Хабибуллы ишана Оруви. Очевидно, что здесь уже речь идет о полном разрушении родовых связей, обусловленном стремительным возвышением промышленника.

Еще в конце XVIII – начале XIX в. быстро разбогатевшие дети Назира-бая первыми начали разрушать свой родовой токым – один из крупнейших в Служилой Уре, восходивший к князю Янморзе Хозясеитову. Они ловко манипулировали собственными наделами, увеличивая их за счет соседей или продавая «на сторону». Возводимые ими многочисленные мануфактуры нарушали границы общепризнанных земельных участков, превращали обычные крестьянские подворья в огромные усадьбы, что часто происходило за счет захвата территории всех остальных токымов.

Мукмин Хозясеитов был не просто активным участником этого неминуемого разрушительного процесса, он довел его до логического завершения, окончательно отделившись как от своего токыма, состоящего из очень дальних родичей, так и от ближайшего родственного окружения: дядей, родных братьев, двоюродных братьев и племянников.

Как мы уже отмечали, усадьба Мукмина Хозясеитова доминировала в Служилой Уре над всеми другими дворами – богатыми и не очень. Она напоминала феодальную резиденцию с крепкими стенами и воротами, надежной охраной и многочисленной преданной челядью. Однако и этого могущественному промышленнику оказалось мало. По всей видимости, его тяготила напряженная обстановка в родном ауле, практически неразрешимые конфликты с односельчанами, изматывающая конкуренция с амбициозной родней, невозможность дальнейшего расширения своей усадьбы. Вряд ли он чувствовал себя полным хозяином деревни среди многочисленных князей Хозясеитовых и Маметевых, постоянно напоминавших ему о «нелегитимности» его богатства, основанного на вероломном захвате общинной земли.

Но главное противоречие заключалось в том, что Мукмин бай – один из самых ярких пионеров татарского капитализма, энергичный предприниматель – исчерпал в родной деревне все ресурсы и возможности для развития своего дела. По понятным причинам он не мог осваивать окружающую территорию в масштабах, необходимых для рентабельного промышленного и сельскохозяйственного производства.

Вот почему на протяжении нескольких десятилетий Мукмин Хозясеитов заботливо строил для себя и своих детей новое фамильное гнездо, находившееся в десятках верст от Служилой Уры в деревне Ямбаево или Каен-Елга Мамадышского уезда (ныне Сабинский район РТ). В XVII – XVIII вв. этот аул с обширными земельными и лесными угодьями принадлежал семье татарского князя Ямбаева, чьи потомки впоследствии рас-

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

продали имение по частям представителям крупной мусульманской буржуазии: Аблаковым, Юнусовым, Апанаевым. Однако наибольшую часть земель здесь приобрел Мукмин Хозясеитов, который затем по частям выкупал деревню у своих коллег-предпринимателей.

Конечно, центром поместья стал новый поташный завод, представлявший собой одноэтажный деревянный корпус (30х6 м), оборудованный тремя чугунными и пятью железными котлами. Рядом с ним находился жилой трехкомнатный деревянный дом для рабочих. Поташное производство было необходимо Мукмину Хозясеитову для создания полного цикла промышленного изготовления кумача, в первую очередь, его качественной окраски. Такой завод, требовавший огромного количества древесного сырья, не мог существовать в Служилой Уре, где густые прежде леса были давно поделены между владельцами, либо безжалостно вырублены. Другое дело – село Ямбаево, окруженное густыми еловыми лесами, с небольшой, но полноводной и быстрой рекой Мешей. Общий размер владений купца в 2 336 десятин 1 112 сажен здесь превышал всю земельную собственность князей Хозясеитовых и Маметевых в Служилой Уре [1]. Причем примерно половина этих солидных угодий приходилась на строевой и дровяной лес, который и служил естественным сырьем для изготовления поташа.

Мукмин бай, по всей видимости, с особыми чувствами относился к новым владениям. Выстроил небольшой жилой деревянный дом (16х7 м) со всеми необходимыми службами и баней, где проводил с семьей достаточно много времени. На реке Меше поставил прекрасно оборудованный мельничный комплекс с амбаром о двух поставах, толчеей, помольной избой. Еще одна большая водяная мельница действовала на речке Щербет [2, л.101–103]. Иными словами, деревня Каен-Елга представляла собой богатое хозяйство, увлечение всей жизни, которое так радовало душу энергичного предпринимателя.

Вероятно, именно здесь он сблизился и подружился с малмыжским первой гильдии купцом Ахметшой Габдулловичем Утямышевым, чьи многочисленные владения находились неподалеку, в том же Мамадышском уезде. За него Мукмин Хозясеитов выдал замуж свою дочь Сагадатбану, которая, по признанию современников, отличалась необыкновенной красотой. После смерти Ахметши Утямышева многие из богатых предпринимателей пытались жениться на ней, прельстившись внешностью женщины и, конечно же, капиталами ее отца. В итоге она согласилась на предложение коммерции советника Исхака Губайдулловича Юнусова и стала его второй женой [11, с.99].

В Мамадышском уезде в д. Большой Арташ Мукмин бай нашел невесту для своего сына Фатхирахмана [9]. Таким образом, постепенно купец крепко обосновался на новых землях, где он оставался единоличным хозяином, приобретшим, наконец, желанную свободу действий, которой так не хватало ему в Служилой Уре.

Закат династии хорошо иллюстрирует сюжет, связанный с брачными отношениями семьи купца, который, как отмечалось выше, родился с людьми только своего круга. Однако характер матримониальных связей в среде богатого купечества всегда зависел от прочности положения в коммерческом мире, размеров состояния и перспектив дальнейшего обогащения. Так вот, для Мукмина Хозясеитова стал настоящим ударом и неожиданным унижением конфликт, связанный с предварительным браком его сына Абдулкотдуса и дочери крупного промышленника из д. Маскара Ахметши Абдулловича Утямышева – Бибигайши.

В 1841 г. А.А. Утямышев, зять и близкий друг Мукмина бая, находившийся в это время в гостях у ахуна Фатхуллы бин Хусаина в Служилой Уре, сам пожелал в будущем выдать дочь за сына своего партнера и друга. Соглашение это было скреплено «гакыдой» (клятвой) в присутствии ахуна, богатых и уважаемых крестьян Уры Тагира Мухаметкаримова, Валита Абдулкаримова, Абдулмазита Абдулхаирова, имамов д. Старый Кинер Самигуллы Губайдуллина, д. Новые Шаши Фахрутдина Идрисова, д. Параньги Ибрагима Биккулова, д. Новой Уры Сиразетдина Абдулгаллямова. Судя по количеству авторитетных свидетелей, событие это действительно проходило в торжественной обстановке праздничного меджлиса, характерного для заключения предварительных браков. Официальное оформление отношений было отложено до достижения женихом и невестой совершеннолетнего возраста.

Однако через несколько лет, когда Мукмин Хозясеитов уже был серьезно болен и растерял былое могущество, династийный союз двух знаменитых купеческих фамилий оказался под угрозой. Его друг и названный кода (сват) А.А. Утямышев 28 октября 1848 г. умер. После чего Мукмин Хозясеитов поспешил обратиться к имаму Первой соборной мечети д. Маскара Габдулле Яхьину (Габдулле аль-Чиртуши) с просьбой зафиксировать брак своего сына в метрической книге, но неожиданно получил решительный отказ.

Дело в том, что сын Ахметши Утямышева – молодой, амбициозный промышленник Мухаметшакир, уже осознавший незавидное положение Хозясеитовых, посчитал данный союз неравной партией. Его сестра Бибигайша, являвшаяся родственницей по матери богатым мануфактурщикам Усмановым из д. Кшкар, считалась богатой наследницей, и Мухаметшакир давно подобрал ей нового, более перспективного жениха. По его настоянию Габдулла аль-Чиртуши прочитал никах Бибигайши и сына одного из самых состоятельных предпринимателей губернии, потомственного почетного гражданина Мухаметгалея Курбангалеевича Арсаева. Возмущенный таким поворотом событий Мукмин Хозясеитов обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой разобраться и отменить неправомерное, по его мнению, бракосочетание, узаконив предварительную женитьбу его сына. В ноябре 1849 г. по поручению муфтия был произведен подробный опрос сторон, во время которого Мухаметша-

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

кир Утямышев полностью отверг претензии Хозясеитова, заявив, что отец его никакой гакиды не давал, так как сильно болел, а его сестра, постоянно проживающая в д. Кшкар у своего деда Мусы Назировича Усманова, не желает связывать свою жизнь с Абдулкотдусом Хозясеитовым по причине его «неблагопристойности» [10, л.26]. Сама Бибилайша написала специальное прошение на имя муфтия, утверждая, что не желает выходить замуж ни за Арсаева, ни за Хозясеитова по причине несовершеннолетия. При этом она подчеркивала: «родитель благословлял меня предоставить мне добровольное право избрать супружество на волю мою, за кого сама пожелаю, и на волю старшего брата...» [10, л.66–67].

Духовное собрание, исходя из показаний свидетелей, подтверждавших гакиду Утямышева, приняло решение расторгнуть брак Бибилайши Утямышевой и Мухаметгали Арсаева, официально утвердить предварительную женитьбу Хозясеитова и отстранить от должности имама Первой соборной мечети Маскары Габдуллу бин Яхью аль-Чиртуши. То есть муфтий Абдулвахит Сулейманов, относившийся с глубоким уважением к заслугам Мукмина князя перед исламским миром России, решительно встал на защиту его интересов.

Но даже влияния муфтия не хватило для окончательного разрешения этой остроконфликтной и запутанной истории. Департамент духовных дел и иностранных исповеданий 19 декабря 1849 г. опротестовал решение Духовного собрания, настаивая на учете мнения самой Бибилайши Утямышевой. Она, видимо под серьезным давлением брата, вскоре письменно объявила о своем желании выйти замуж за Мухаметгали Арсаева [10, л.107 (об)].

Для Хозясеитовых случилось непоправимое. Впервые публично со скандалом было отвергнуто родство с ними, впервые они не смогли отстоять свою честь в судебных и бюрократических разбирательствах. Век неоспоримого когда-то могущества арских князей из Служилой Уры подходил к своему логическому завершению. Мукмин Тагирович Хозясеитов так и не оправился от такого позора. Он скончался 5 ноября 1852 г. и был похоронен рядом со своими предками на кладбище родового аула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Республики Марий-Эл (далее – ГАРМЭ). Ф.43. Оп.1. Д.78. Л.1.
2. ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93.
3. ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30.
4. ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.257. Л.138.
5. ГАРМЭ. Ф.305. Оп.1. Д.1. Л.51.
6. Казанские губернские ведомости. 1852. 22 декабря. № 52.
7. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.3. Оп.2. Д.3. Л.220 (об.).
8. НА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.165. Л.190 (об.).

9. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦИА РБ). Ф.И–295. Оп.4. Д.18167. Л.18 (об.).
10. ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.3. Д.2610.
11. Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. 1997. №10–11. С.92–134.
12. Түбән Оры (рукописное краеведческое исследование). Хранится в сельсовете деревни Сюрда Арского района РТ.

Сведения об авторе: Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); rsalikh@mail.ru

**THE EVERYDAY LIFE OF A TATAR INDUSTRIALIST
IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY
(BASED ON THE EXAMPLE OF MUKMIN KHOZYASEITOV)**

R.R. Salikhov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
rsalikh@mail.ru*

Using a wide range of archival documents, the author analyzed the history of the private life and industrial activities of a Tatar businessman from Kazan Province. The researcher presented a reconstruction of the everyday life of the entrepreneur: his daily routine at home and work. The author reviewed his family history, as well as his interpersonal relationships with family members, business partners and subordinates.

Keywords: business history, everyday life history, family history, history of private life, history of Tatar merchants, interiors of Tatars' homes, Kazan Province, Sluzhilaja Ura

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij-El (GARME)* [State Archive of the Republic of Mari El] F.43. Op.1. D.78. L.1. (In Russian)
2. *GARME*. F.43. Op.1. D.93. (In Russian)
3. *GARME*. F.58. Op.1. D.30. (In Russian)
4. *GARME*. F.150. Op.1. D.257. L.138. (In Russian)
5. *GARME*. F.305. Op.1. D.1. L.51. (In Russian)
6. *Kazanskije gubernskie vedomosti* [Kazan Province News], 1852, 22 December, no.52. (In Russian)
7. *Natsional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [National Archive of the Republic of Tatarstan]. F.3. Op.2. D.3. L.220 (ob.). (In Russian)

Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова)

8. *NA RT*. F.3. Op.2. D.165. L.190 (ob.). (In Russian)
9. *Tsentrāl'nyj istoricheskij arkhiv Respubliki Bashkortostan (CIA RB)* [Central Historical Archives of the Republic of Bashkortostan]. F.I-295. Op.4. D.18167. L.18 (ob.). (In Russian)
10. *CIA RB*. F. I-295. Op.3. D.2610. (In Russian)
11. Yunusov G. Iz zhizni kuptsov-metsenatov Yunusovykh [From the Life of the Yunusov Merchant Family]. *Kazan*, 1997, no.10-11, pp. 92-134. (In Russian)
12. *Tybən Ory* (a manuscript on local history stored in a municipality of Sjurda Village, Arsky District of the Republic of Tatarstan). (In Tatar)

About the author: Radik R. Salikhov is a Doctor of Science (History), Deputy Director for Research at Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Academician at TAS (Entrance 5, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); rsalikh@mail.ru